

защитѣ ли или въ нападеніи на ближняго, то ясно для каждаго, что въ этомъ случаѣ будетъ сдѣлано только *добро* и при томъ для всѣхъ трехъ: подвергающійся нападенію будетъ избавленъ отъ зла, которое причинилъ бы ему нападающій; нападающему будетъ сдѣлано добро чрезъ недопущеніе его къ совершенію зла ближнему; для защищающаго добро будетъ состоять уже въ его сознаніи, что онъ не допустилъ совершиться злу и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ добро для двухъ своихъ ближнихъ.

Четвертый отвѣтъ, по которому ученіе Спасителя о непротивленіи злу не отличается отъ всѣхъ другихъ заповѣдей блаженства и ему не приписывается исключительнаго значенія, какъ это дѣлаютъ сектанты, Толстой называетъ 1) изворотомъ очень искуснымъ, сводящимъ прямое сознательное отрицаніе заповѣди къ случайному нарушенію ея. Противъ этого отвѣта Толстой возражаетъ указаніемъ на то, „что отношеніе церковныхъ учителей къ заповѣдямъ, которыя они признаютъ, и къ этой—совершенно различно“... „Никогда церковные проповѣдники,—говоритъ Толстой 2),—не указываютъ случаявъ, когда заповѣдь противъ блуда должна бы была нарушиться, и всегда поучаютъ тому, что должно избѣгать соблазновъ, вводящихъ въ искушеніе противъ блуда. Но не то съ заповѣдью непротивленія. Всѣ церковные проповѣдники знаютъ случаи, когда заповѣдь эта можетъ быть нарушена. Итакъ и учатъ людей“.

Совершенно понятно, что отвѣтъ этотъ крайне былъ неприятенъ Толстому. Вѣрный своимъ социалистическимъ взглядамъ и стремленіямъ, Толстой много лѣтъ искажалъ все христіанское ученіе для того только, чтобы въ немъ найти для нихъ какое либо основаніе, такъ какъ всѣ философскіе доводы, за которые онъ хватался раньше,—пантеистическіе, матеріалистическіе, пессимистическіе и т. п. потеряли всякій кредитъ у здравомыслящихъ людей, а для простыхъ христіанъ обязательно только ученіе Евангельское. Такое основаніе онъ думалъ найти въ своеобразномъ пониманіи ученія Спасителя о непротивленіи злу или

1) Ч. 1. Стр. 54.

2) Тамъ-же.